

Пьер Шлаг. Классическая наука и постмодернизм: введение в дискурс

Самохина Е. Г.^{1,*}, Хмелевский А. М.^{1,**}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

* e-mail: esamokhina@hse.ru,

** e-mail: amkhmelevskiy@edu.hse.ru

Аннотация

В данной работе авторы предпринимают попытку проследить, какое влияние оказал постмодернизм на теорию права. Поскольку имплементация постмодернистской методологии в правовую науку в наиболее серьезном виде произошла в США, основной акцент в своем анализе авторы делают на американской правовой мысли. Авторы рассматривают то, как основные «программные» положения постмодернизма нашли отражение в правовой теории: текстуальность мира, свобода от великих рассказов, смерть субъекта и т. д. Авторы подчеркивают, что если с точки зрения онтологии постмодернизм не смог подарить праву какую-то новую теорию, объясняющую его бытие, то в плане аксиологии и эпистемологии это направление всё же обогатило юриспруденцию. Представляется, что наиболее яркое свое развитие постмодернизм получил в рамках школы критических правовых исследований и получил отражение в работах Д. Кеннеди и П. Шлага.

Ключевые слова: постмодернизм в праве, школа критических правовых исследований, ШКПИ, Пьер Шлаг.

Для цитирования: Самохина Е. Г., Хмелевский А. М. Пьер Шлаг. Классическая наука и постмодернизм: введение в дискурс // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 3 (21). С. 23–35. DOI: 10.22394/3034-2813-2024-3-23-35. EDN: QPYRSC

Pierre Shlag. The Science of Law and Postmodernism: Introduction to Discourse

Ekaterina G. Samokhina^{1,*}, Andrey M. Khmelevsky^{1,**}

¹ National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation)

* e-mail: esamokhina@hse.ru,

** e-mail: amkhmelevskiy@edu.hse.ru

Abstract

In this paper, the authors attempt to examine the impact postmodernism has had on the theory of law. Since the implementation of postmodern methodology in legal science in its most serious form occurred in the United States, the authors place the main emphasis in their analysis on American legal thought. The authors consider how the main provisions of postmodernism are reflected in legal theory: the textuality of the world; freedom from grand narratives; death of the subject, etc. The authors emphasize that if from the point of view of ontology, postmodernism was not able to give law some new theory that explains its essence; in terms of axiology and epistemology, it nevertheless enriched jurisprudence. It

seems that postmodernism received its most striking development within the framework of the school of critical legal studies and was reflected in the works of D. Kennedy and P. Schlag.

Keywords: postmodernism in law, critical legal studies, CLS, Pierre Schlag.

For citation: Samokhina, E. G., Khmelevsky, A. M. (2024) Pierre Shlag. The Science of Law and Postmodernism: Introduction to Discourse. *Theoretical and Applied Law*. No. 3 (21). Pp. 23–35 (In Russ.). DOI: 10.22394/3034-2813-2024-3-23-35

Философы-постмодернисты коренным образом изменили науку XX в. — предложенная ими модель понимания общества проникла сначала в социологию и философию (которой непосредственно и занимались постмодернисты), а затем со временем стала захватывать и другие науки, в том числе правовую. В отдельных сферах научного знания методология постмодернизма оказалась применимой и даже эффективной, а в некоторых (в том числе в праве) так и не получила заслуженного признания. Проблема использования методологии постмодернизма в правовой науке остается недостаточно изученной, тем не менее большинство современных правоведов уже объявили ее невозможной для применения. В данной статье мы рассмотрим, как своеобразная методология постмодернизма применяется известным американским правоведом П. Шлагом и вписывается в его видение права, а также на примере его представления о праве проследим, к каким положительным результатам приводит данная методология.

Что же философы-постмодернисты предложили науке постсовременности? Пожалуй, главным замечанием постмодернистов в отношении современного им общества было замечание о его страсти к *тотальности* и дискурсивным средствам, ее обеспечивающим, — то есть великим рассказам (метанарративам)¹. Оно было непосредственно связано с разработками социальной философии XX в. и теми идеями, которые в работе «Состояние постмодерна»² предложил Ж.-Ф. Лиотар.

Логика Ж.-Ф. Лиотара была проста: описанная им система метанарративов в обществе постсовременности уже не могла быть пригодной для того, чтобы позволять властным субъектам контролировать процессы, протекающие в обществе. Вернее, задача поддержки властного дискурса выполнялась метанарративами всегда успешно, однако, по мысли постмодернистов, общество, в лице его отдельных членов, живущих свои отдельные жизни, находилось уже в состоянии достаточной зрелости, чтобы не следовать за чьей-то волей. Метанарративы как универсальные языковые единицы устарели, уступив место так называемым микронарративам, которые отличаются от великих рассказов тем, что даже не пытаются притязать на универсальность, но вместо того являются отображением локальных ценностных дискурсов. Соответственные изменения произошли и в дискурсе легитимации: практики легитимации перестали быть такими жесткими, и наметился возврат к многообразию их форм³.

Для методологии постмодернизма (в частности, для исследований Ж.-Ф. Лиотара, М. Фуко, Ф. Гваттари, Ж. Делёза) характерно острое и критическое восприятие института власти как создающего бинарные оппозиции и не отвечающего современным ценностям общественного дискурса. Отказ от властного дискурса, по крайней мере, стал центром программы пересмотра общества и науки в эпоху постмодерна.

В этом контексте возникают вопросы: как методология постмодернизма была учтена в юридических исследованиях, и насколько эффективным было ее использование? Как (при условии, что постмодерн критикует любых властных субъектов, любые универсальные ценности и единую легитимацию) правовая наука, центральным звеном которой является властное веление⁴, может продуктивно использовать постмодернистскую методологию?

Следует сказать, что большое внимание правовая наука эпохи постмодерна уделила именно вопросу текстуальности, толкования и нормативности. Проводились отдельные исследования, которые

¹ См.: Самохина Е. Г. Постмодернистская теория права // В кн.: В поисках теории права / науч. ред. Е. Г. Самохина, Е. Н. Тонков. СПб.: Алетейя, 2021. Гл. 3. С. 59–77.

² См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

³ См. в общем: Jackson B. S. Semiotics and legal theory. London: Routledge & Kegan Paul, 1987. 373 p.

⁴ Здесь, конечно, мы воспроизводим не собственное восприятие права, а скорее главный элемент классической (позитивистской) догматики права.

ставили целью рассмотрение текстуального и intersубъективного характера права. При этом методология постмодернистских разработок права сближала его с теорией литературы, предлагая воспринимать право как систему текстовых и языковых знаков¹.

Свои рассуждения о текстуальности в праве мы начнем с анализа всем известного высказывания Ж. Деррида, которое П. Шлаг использует в качестве одного из эпиграфов к своей работе о деконструкции. “Il n’y a pas de hors-texte”² (внетекстовой реальности вообще не существует³, there is nothing outside the text⁴) — эта фраза Ж. Деррида, возможно, олицетворяет собой венец идей постмодернизма и постструктурализма. Хотя эта фраза известна каждому человеку, который хотя бы раз соприкасался с философией постмодернизма, восприятие вложенного в нее смысла — тема отдельной научной полемики, которая требует обращения к проблеме соотношения языка и методологии науки.

Перед переводчиком, который адаптирует философское произведение под конкретный язык, всегда стоит проблема не только лексическая (как перевести?) и грамматическая (какую структуру выбрать?), но и семантическая (как отразить смысл?)⁵. В контексте последнего вопроса, по иронии, высказывание Ж. Деррида не стало исключением: чем больше оно обсуждается в научном сообществе, тем больше смыслов в нем находят. Анализ смысла высказывания Ж. Деррида давно был произведен как отечественными⁶, так и зарубежными⁷ учеными, и избыточным будет глубинно исследовать эту проблему в очередной раз. Однако цель данного исследования в другом — а именно в том, чтобы показать, как и почему правоведы испытали сложности в адаптации идей постмодернизма к особой системе символов и логике правовой науки.

Сразу же стоит сделать оговорку, что Ж. Деррида — философ языка; язык для него не является средством познания, он работает по собственным законам логики⁸. Анализировать текст Ж. Деррида с точки зрения обычного словоупотребления или языковых конвенций может быть недостаточно, поэтому для восприятия его идей необходим дополнительный философский дискурс-анализ. В этом симптоматичность любого постмодернистского метода — он основан на пластичной языковой игре⁹.

Но начнем с текста. Первое, что бросается в глаза в контексте работы над анализом высказывания, — его нехарактерная грамматическая структура, которая делает единственный перевод просто невозможным. Ж. Деррида заигрывает с читателем, используя гибкость французского языка для того, чтобы смысл высказывания нужно было «угадывать», улавливать в поле непривычного словоприменения. Чтобы полностью соответствовать грамматике французского языка и быть понятной любому читателю, версия оригинального высказывания могла (должна) бы звучать так: “Il n’y a rien en dehors de texte” — в таком случае приведенный перевод полностью оправдывал бы себя в качестве исчерпывающего и принимал бы форму высказывания «нет ничего вне текста»¹⁰.

Оригинальная же формулировка “Il n’y a pas de hors-texte” отражает более глубокую мысль, перевод которой на русский может быть трудно уловимым. Более того, как и предупреждал Ж. Деррида в «Письме японскому другу»¹¹, вероятно, аутентичный перевод может требовать словообразования или

¹ См., напр.: *Douzinias K. Postmodern Jurisprudence: the Law of Text in the Texts of law*. London, New York: Routledge, 1991. 303 p.; *Schlag P. Normative and Nowhere to Go*. Stanford Law Review, 1990. Vol. 43. Pp. 168–192 и др.

² *Derrida J. De la Grammatologie*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1967. P. 227.

³ *Деррида Ж. О грамматологии* / пер. с фр. Н. С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. С. 313.

⁴ *Derrida J. Of grammatology* / trans. from fr. Spivak G. Ch. London: The Johns Hopkins University Press, 1997. P. 158.

⁵ В более широком контексте под вопрос ставится необходимость отражения смысла, который вкладывал автор — в таком случае актуализируется проблематика переводческой интерпретации текста. См. об этом: *Эко У. Сказать почти то же самое. Опыт о переводе* / перев. с итал. А. Н. Ковалева. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с. *Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыт философии языка*. М.: РОССПЭН, 2008. 736 с.

⁶ Например, целый ряд аналитических работ Н. С. Автономовой — переводчицы опусов Деррида на русский язык: *Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыт философии языка*; *Автономова Н. С. Философский язык Жака Деррида*. М.: РОССПЭН, 2011. 510 с. и др.

⁷ Например, ряд аналитических работ Г. Ч. Спивак — переводчицы опусов Деррида на английский язык. Главный из них: *Spivak G. Ch. Translator’s Preface* // in book: *Derrida J. / trans. from fr. G. Ch. Spivak*. London: Johns Hopkins University Press. Pp. 8–73.

⁸ *Автономова Н. С. Философский язык Жака Деррида*.

⁹ *Feldman S. M. Playing with the Pieces: Postmodern in the Lawyer’s Toolbox*. Virginia Law Review, 1990. Vol. 85. Pp. 151–181.

¹⁰ Именно такая формулировка была предложена Н. С. Автономовой при переводе Ж. Деррида.

¹¹ *Деррида Ж. Письмо к японскому другу* / перев. с фр. А. Гараджи // *Вопросы философии*. № 4, 1992; http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Derr/pismjap.php (дата обращения: 07.06.2024).

нетипичных грамматических структур. Какие же смыслы, могущие вытекать из этого высказывания, не отражает использованный в русскоязычной версии перевод¹? Сравним формулировки:

1. *En dehors de texte* — за пределами текста. Это обычно трактуется исследователями постмодернизма как «весь мир — текст», «нет ничего, кроме текста». Упускается возможность различного прочтения и понимания окружающего мира в постмодернизме² — высказывание Ж. Деррида, трактуемое в таком контексте, является самостоятельным представлением о мире («мир как текст»), исключаящим какое-либо иное понимание. Обычно такое восприятие используется философами языка, которые анализируют роль последнего в процессе познания: если за пределами текста ничего нет и весь мир является текстом, то, следовательно, нет ничего, что может быть познаваемым вне рамок языковых категорий, или нет ничего, что не предопределено языком еще до вступления объекта познания в контакт с субъектом³.

Такое понимание вряд ли может рассматриваться как справедливое — нет достаточных оснований предполагать, что Ж. Деррида рассуждал об этом. Обычно в компании с Ж. Деррида в связи с этим высказыванием указывают еще и Ролана Барта как автора идеи смерти автора, но сам Р. Барт также напрямую об этом не говорил и вряд ли имел это в виду. Тем не менее этот подход получил развитие среди постмодернистов-текстуалистов⁴.

2. *Hors-texte* можно интерпретировать как сочетание имени существительного с прилагательным или существительного с предлогом. Тогда это является или а) характеристикой текста, или б) характеристикой объекта высказывания по отношению к тексту.

Точный и полноценный с точки зрения семантики перевод этой фразы сложен из-за особенностей стилистики французского языка (в частности, контекстуальных отличий современного языка и его устаревшего варианта). Особенность построения предложений французского языка старого стиля здесь переплетается с семантическими расхождениями. Так, там, где старый французский использует *hors* в значении прилагательного отношения в устойчивых связях, современный французский рассматривает это слово как существительное (в таком случае перевод может выглядеть как *изнанка* или «*наружа*»). Тогда перевод с ориентировкой на старый французский выглядит так: «не существует внешнего текста (*hors-texte* = внешнего текста)», а с ориентировкой на новый — не существует внетекстового мира, то есть «не существует внешней по отношению к тексту реальности (*hors-texte* = внешнего по отношению к тексту)».

Таким образом перевод высказывания Ж. Деррида затрагивает две проблемно-философские сферы. Первая — пожалуй, самая главная — существование «внешнего текста» как такового⁵. В этом отношении перевод принимает следующую форму: «не существует внешнего текста»; то есть существует только тот текст, который мы в данный момент интерпретируем, то есть значение этого текста должно быть выведено только из него. Может ли такое быть? Этот вариант перевода отсылает нас к М. Хайдеггеру, который создал некоторые методологические предпосылки для формирования идей Ж. Деррида. Так, М. Хайдеггер утверждал, что логоцентризм и рациональность в рамках европейской науки должны быть оставлены из-за рудиментарности⁶, поскольку эти ценности являются внешними по

¹ Далее в рамках исследования мы сопоставляем французский оригинал высказывания и его русскоязычную адаптацию. Вероятно, сходство синтаксических и семантических структур английского и русского языков позволяет предположить, что всё сказанное далее актуально и в контексте английской адаптации — в таком случае отдельной гипотезой может стать предположение о том, что ни один из используемых в российской науке переводов не отражает семантическое многообразие высказывания, следовательно, не отвечает эстетическим требованиям при сохранении прежней методологии постмодернизма.

² Различные авторы предлагали различные понимания внешнего по отношению к субъекту мира, единства в этом вопросе у постмодернистов нет. См., напр.: *Guattari F. Chaosophy. New York: Semiotext(e), 1995. Pp. 27–31.* Ф. Гваттари вместе с Ж. Делёзом разработали концепцию «хаософии» и «постмодернистской чувствительности», описывая мир как хаос: «мир потерял свой стержень... Мир превратился в хаос».

³ См., например, как концепция мира-текста выводит Хайдеггера к идее о том, что язык предопределяет познание: *Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. С. 371–374.*

⁴ См., например: *Эко У. Имя розы. М.: Книжная палата, 1989.* Профессор Умберто Эко использовал идеи Деррида, акцентировав внимание на слове как на главном герое своего романа. См. также разработки У. Эко, касающиеся семиотики, напр.: *Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2007. 502 с.*

⁵ Здесь и далее мы используем словосочетание «внешний текст» как альтернативу словосочетанию *hors-texte*.

⁶ Они приводят к рассмотрению человека как рационального животного, игнорируют уникальность и индивидуальность. См. об этом: *Хайдеггер М. Что такое метафизика? М.: Академический проект, 2013. С. 53.*

отношению к тексту¹. Читатель (любой другой познающий субъект или субъект, взаимодействующий с текстом в целом), таким образом, может находиться лишь внутри текста и играть лишь по его правилам, не прибегая к формам, находящимся вовне.

По мере того как деконструкция перешла от литературной критики к теории права, изменился контекст, равно как проблемы и их важность. Постмодернизм интересуется не столько вопросом, как интерпретировать текст, сколько сама легитимность юридического дискурса как «механизма власти, замаскированного под стремление к истолкованию истины». Таким образом, проект деконструктивистской критики состоит в том, чтобы бросить вызов легитимности права вообще как средства создания юридической истины. Эта позиция, в свою очередь, представляет собой разновидность социального конструктивизма, в котором язык не понимается как отражение какой-то внедискурсивной реальности, но язык и порождаемые им понимания и значения являются реальностью социального бытия. По справедливому замечанию А. Ханта, «радикальный надрыв постмодернистской интервенции заключается не в ее интерпретационной стратегии или деконструктивистском методе, а скорее в стремлении показать, как напряженность и противоречия в судебных текстах отражают динамику власти и доминирующих интересов»². Кроме того, постмодернизм вносит важную новеллу и в теорию толкования права, ведь суть постмодернистской теории интерпретации заключается в том, что она отрицает любую возможность сравнения, противопоставления, оценки или интерпретации правового дискурса посредством ссылки на некую внедискурсивную реальность. Насколько постмодернизму удастся следовать намеченному плану — другой вопрос, который ставит перед нами проблемы субъекта.

Итак, вторая затронутая проблематика — соотношение познающего субъекта и объекта познания. Если перевод искомой фразы принимает форму «не существует внешней по отношению к тексту реальности», тогда познающий субъект также лишен возможности находиться вне текста, что приводит читателя к тезису субъект-объектного единства.

Этот вариант отчасти отсылает читателя к идеям Р. Барта о смерти автора³, согласно которой «когда скоро Автор устранен, то совершенно напрасным становятся и всякие притязания на “расшифровку” текста. Присвоить тексту Автора — это значит, как бы, застопорить текст, наделить его окончательным значением, замкнуть письмо»⁴. Эта идея подхватывается современными исследователями постмодернизма, которые еще более ее утрируют, подчеркивая, что постмодернистски понятый текст не предполагает наличия внешней по отношению к нему (вневербальной) причины, ибо он есть не что иное, как переходящее состояние самодостаточной процессуальности письма⁵. В этом контексте высказывание может означать *смерть субъекта*, анализирующего текст, ведь если нет ничего за пределами текста, значит, субъект и есть текст.

Но кто в праве эпохи постмодерна может называться субъектом? Первый и самый очевидный субъект — тот, который непосредственно работает над текстом. В праве это может быть судья, адвокаты, отдельные клерки юридических компаний.

Но есть и иной субъект — менее очевидный. Анализируя языковые грамматические структуры, можно заметить существование в большинстве привычных для нас языковых структур примысленного субъекта: *it is raining* в английской грамматической структуре, *il pleuvait* — во французской (дословно: «дождит»). Также в целом обезличенная французская конструкция *il y a* (или английская *there is*), использованная в том числе в высказывании Ж. Деррида. Все эти структуры отсылают нас к субъекту, которого на самом деле нет — в привычном представлении такие структуры берутся из ранних этапов

¹ См. в общем: Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. 528 с.

² Hunt A. The Big Fear: Law Confronts Postmodernism. McGill Law Journal. 1990. Vol. 35. No. 3. P. 514.

³ Ж. Деррида анализировал идеи Р. Барта, в том числе и критически. Результатом такого критического анализа стала всеобъемлющая разработка идеи посттекстуализма. См.: Derrida J. The Deaths of Roland Barthes. Philosophy and Non-Philosophy Since Merleau-Ponty. New York: Routledge, 1988.

⁴ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391. URL: <https://opentextn.ru/wp-content/uploads/bart-smert-avtora.pdf?ysclid=lx4w48hr9b690427541> (дата обращения: 07.06.2024).

⁵ Постмодернизм. Энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. С. 36.

формирования языковой идентичности и относятся к божественным сущностям¹. По аналогии в правовой науке примысленным субъектом всегда является законодатель, который подразумевается в процессе толкования правового текста. Из такого восприятия законодателя в качестве субъекта при интерпретации возникают различные доктрины телеологического толкования или толкования, основанного на воле законодателя², которые в эпоху постмодерна сталкиваются с неразрешимым противоречием: как толковать волю субъекта, которого нет, то есть который, в терминологии Р. Барта, мертв?

К сожалению, при попытке адаптировать идеи постмодернистов к особой логике правовой системы современная правовая мысль не смогла проявить гибкость, которой требует чтение «классики» постмодернизма. Кроме того, она никак не могла отказаться от логоцентризма³.

Но что более важно — в правовой науке не произошло лингвистического переворота, необходимого пререквизита к формированию постмодернистского восприятия. Попросту говоря, люди, причастные к праву (занимающиеся как официальным, так и неофициальным толкованием), просто не осознали важность языковых игр для научных и практических разработок⁴. Естественно, субъекты, не имеющие навыка к восприятию языковых игр в качестве хотя бы одного из элементов научного познания, не могут в полной мере применять деконструкцию к исследуемым социальным явлениям. В то же время, по оценке Ж.-Ф. Лиотара, постмодернизм «избрал языковые игры в качестве своей общей методологической установки»⁵ — непринятие такого метода делает невозможным постмодернизм.

Эти факторы не позволили полноценно адаптировать методологию социальной философии постмодерна к праву. Вместе с тем американская правовая мысль предприняла серьезную попытку для имплементации постмодернистских идей в правовую науку, хотя, как представляется, построить новую правовую теорию, соответствующую постмодернистской парадигме, ей не удалось. Американская философско-правовая мысль перевела интересующий нас отрывок как “there is nothing outside the text” — нет ничего вне текста. В этот момент мы должны были бы представить, что американской правовой науке удалось достичь редкого состояния тождества объекта и субъекта, которое доступно не каждому тибетскому йогину.

Но наше замешательство тут же рассеивает профессор П. Шлаг: “le hors de texte, c’est moi”⁶ — *за пределами текста — я*. И здесь мы понимаем, что приближение к постмодернизму в американской философии права делалось в границах классической научной парадигмы — той, в которой субъект не только не погружен в объект, но даже далек от его дискурсивных форм. Право в таком прочтении в качестве объекта можно сравнить с червивым яблоком, где червем является интерпретирующий субъект — он находится внутри яблока, но при этом живет своей жизнью, отделен от яблока, а также не может осознавать до конца действия, которые совершает⁷.

¹ В восточной культуре, сохранившей глубокую связь с религией, это божественное присутствие, обнаруживаемое во всем, очень ощутимо. Например, считается, что звук человеческого дыхания воспроизводит мантру «Со Хам», означающую «Я есть То (Абсолют)». В русском языке, на уровне базовых структур, тоже сохраняется эта связь с божественным, поэтому примысленный субъект находится не снаружи, а внутри самого человека. Например, «меня клонит в сон», «меня знобит», «меня тошнит» и т. д. — всё это указывает на присутствие некоего начала в человеке, не сводимого к его физической природе.

² Хук ван М. Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб.: Издательский дом СПбГУ, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. С. 199–200.

³ Здесь мы используем слово «логоцентризм» двойственно: с одной стороны, в качестве констатации определенного методологического состояния парадигмы правовой науки, с другой — как критическое высказывание Ж. Деррида в отношении аксиологии западной философии, которое действует и в отношении правовой системы.

⁴ См. о важности языковых игр в дискурсе разработок Витгенштейна и Апеля: Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / составл., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой, пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 612 с.; Апель К. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. 344 с. Витгенштейн предполагает, что выход за пределы языковых игр означает выход за пределы исследуемого объекта, в то время как Апель полагает, что внеязыковое познание в целом не отвечает современной науке.

⁵ Цит. по: Постмодернизм. Энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. С. 1023.

⁶ Этот ответ — результат разработок философии права Пьера Шлага. Хотя такой тезис был использован в рамках особой методологии — рассмотрения права с позиций эстетических измерений (также называемой самим Шлагом как «юриспруденция форм») — он является результатом критического анализа самой возможности применения идей Деррида к праву. Schlag P. Le Hors de Texte, C’est Moi: The Politics of Form and the Domestication of Deconstruction. *Cardozo Law Review*, 1990. Vol. XI. Pp. 1631–1674. Дальнейшее развитие этой критики будет представлено далее в рамках нашего исследования.

⁷ Как отмечают некоторые отечественные ученые (в особенности в области философии права), классификация парадигм научного мышления в науке не имеет конвенционального терминологического аппарата — ученые просто используют разные термины. Мы исходим из ординарного представления о научных парадигмах, предложенного академиком Стéпиным (классическая, постклассическая, постнеклассическая парадигмы). См.: Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2006. 384 с.

Для иллюстрации своей позиции по поводу соотношения американского исследователя права и исследуемого им объекта П. Шлаг использует еще одно устойчивое выражение французской правовой мысли, но на сей раз классической. *L'état, c'est moi* («Государство — это я») — возможно, одна из самых хрестоматийных моделей восприятия государства в классической правовой науке, отождествляющая суверена с государством (как следствие — и с правом). Деконструкция как новый метод для изучения права, при всем своем научном потенциале, остается бессильной тогда, когда ученый применяет ее, находясь вне объекта исследования. Но здесь мы видим совершенно иную картину: полное отождествление себя с объектом, то есть с государством и правом. Проблема только в том, что такое отождествление может позволить себе только властный субъект, и, следовательно, только он будет являться надлежащим исследователем и интерпретатором права, потому что только он находится «внутри текста».

Интеллектуальным обязательством ученого-постмодерниста является частичное отождествление себя с объектом изучения. Как минимум деконструкция недопустима тогда, когда не соблюдаются внутренние логические требования постнеклассической научной парадигмы¹. Но правовая реальность разнообразна — хорошо, если речь идет об условном применении деконструкции к источнику права (к тексту на материальном носителе — к закону), но если деконструировать само право, правоотношения, правомочие, обязанность и другие доктринальные конструкции, то субъект не может находиться вовне.

Американская правовая мысль осталась недовольна теми результатами, которые дало применение деконструкции в области права, хотя пыталась применить ее к правовым текстам в узком смысле². Исследователь-юрист находится вне этих текстов, понимаемых как формы объективации права³. Он использует деконструкцию как метод работы с текстами, при этом сам являясь авторитетным субъектом, экспертом, специально обученным для работы с текстом как с частью оторванной от себя реальности.

Здесь мы видим разрыв между «требованиями» постмодернизма и тем, что реально могла предложить консервативная правовая наука. Для постмодернизма смысл текста — это смысл, данный ему субъектом-интерпретатором, это выражение его индивидуальности. Но такой субъект находится за пределами текста. К примеру, сам по себе текст права ничего не значит, он ждет, когда над ним начнет работать авторитетный субъект, юрист, который применит к нему деконструкцию, — то есть субъект в данном случае должен решать, как ее применять, когда начать, когда закончить, и не подставляет себя в качестве части объекта под действие деконструкции⁴.

Если же только авторитетный субъект может наделять смыслом правовой текст (что более соответствует классической правовой мысли, в том числе американской), то получается, что все остальные субъекты не имеют такой компетенции. Вопрос: не возвращает ли это нас опять к классическим бинарным оппозициям, разбить которые призвана деконструкция? С одной стороны, существует свободный, авторитетный, компетентный толкователь-юрист, владеющий методом — деконструкцией, а с другой — несвободный, незнающий обыватель, находящийся, таким образом, во власти первого. Для первого субъекта правовой текст будет выступать как поле для применения своего компетентного вмешательства, а для последнего — как объективная данность. И такое положение дел возвращает нас к *великим рассказам* Ж.-Ф. Лиотара, потому что невозможно будет избавиться от влияния *великих рассказов* классического, централизованного субъекта, наследника рационалистической философии, ведь правовые тексты будут работать на него.

¹ Как отмечает профессор А. В. Поляков, отождествление постмодернизма и постнеклассической научной парадигмы является частой ошибкой среди исследователей. Тем не менее деконструкция как метод, предложенный постмодернистами, может осуществляться только в контексте постнеклассической научной рациональности. Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронаука // В кн.: Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы / под ред. И. И. Осветимской, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2023. Гл. 2. С. 50.

² Стоит отметить, что попытка сделать деконструкцию методом характерна и для отечественной науки. Так, Г. Л. Тульчинский говорит о тупиках постмодернизма... в его «деконструктивистской методологии». Тульчинский Г. Л. Возможное как сущее // В кн.: Эпштейн М. Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. С. 7.

³ См. на эту тему из последнего: Фролова Е. А., Лесив Б. В. Источники и формы права: современный взгляд на основные теоретические положения // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2024. Т. 17. № 1. С. 4–39.

⁴ Schlag P. Le Hors de Texte, C'est Moi: The Politics of Form and the Domestication of Deconstruction.

Стоит отметить, что, в частности, американские правоведы после наблюдения долгих попыток совмещения субъекта и объекта приходят к выводу о том, что их разделение является «застывшим» или фиксированным, и их конкретное застывшее отношение транслируется через определенный подход к праву. Например, как пишет П. Шлаг, классическая доктрина верховенства права делает попытку поместить смысл права в доктрины, правила и принципы, а субъекта рассматривает лишь как нечто, нуждающееся в ограничении и урегулировании посредством этих доктрин и правил. Школа критических правовых исследований же, по мысли ученого, хочет видеть себя освобождающей индивидуального субъекта от «реифицированных мыслительных конструкций и овеществленных социальных ролей», однако сама по себе эта субъект-объектная структура является заложницей классической юридической доктрины (получившей отражение, в частности, в доктрине верховенства права), и даже если поменять полюса и акценты, то сам принцип разделения одного и другого не изменится. Существуют разные примеры этого соотношения, но, учитывая различные перекосы — то в одну, то в другую сторону, — субъекту и объекту так и не удалось полностью объединиться¹.

Данная проблема берет начало от «ортодоксального» формализма К. К. Лэнгдэлла и, несмотря на заявления о том, что юриспруденция с тех пор ушла далеко вперед, по сей день имеет с ним глубокую связь. По словам самого К. К. Лэнгдэлла, он «старался внести свой вклад в то, чтобы преподавание и изучение права [в Гарварде] было достойно университета. Для достижения этих целей... было необходимо закрепить по крайней мере две вещи: во-первых, что право — это наука; во-вторых, что все доступные материалы этой науки содержатся в печатной книге»². Это означает, что на самом высоком уровне, на уровне правовой науки, создается право, полностью отделенное от своего создателя и от тех людей, которые его будут изучать и применять на практике, — право, напечатанное в книге. Это приводит, по мнению П. Шлага, к довольно необычному явлению, которое он называет «политика формы». Речь идет о процессе, когда не сам автономный индивидуальный субъект создает право, правовые теории и эстетику, но, наоборот, заложенные «в книгах» доктрины, устойчивые формы права, *формируют* субъекта и его юридическое мышление и эстетику. В результате субъект, о котором говорят все правовые теории, на протяжении многих десятилетий не меняется, он остается верен прежним, устоявшимся со времен формализма ценностям, правовой эстетике и риторике, несмотря на изменения социального контекста³. Возможно ли в таких условиях применение постмодернистской методологии к праву? Представляется, что скорее нет, хотя американская правовая мысль очень восприимчива и открыта ко всему новому, и такое заигрывание с постмодернизмом было бесполезным.

Стоит согласиться с мнением профессора А. Ханта, что постмодернизм заявил о своем присутствии в юридических исследованиях на двух разных, но взаимосвязанных уровнях. Более непосредственный и очевидный уровень, который демонстрировал прямую связь с теорией литературы, был озабочен текстуальностью права; но был еще и более общий уровень, который бросал вызов философским и эпистемологическим основам теории права, связанным с наследием эпохи Просвещения. По распространенному в научной литературе мнению, в рамках юридической науки вопросы, поставленные постмодернизмом, оказали наибольшее влияние на критические юридические исследования (ШКПИ).

Принято считать, что своеобразная «официальная» эра постмодернизма в американском праве вообще и в ШКПИ в частности началась с работы Питера Гэйбла и Дункана Кеннеди “Roll Over Beethoven” (1984). Именно в этом тексте Д. Кеннеди заявляет об отказе от возможности теоретического проекта ШКПИ и самой «возможности теории». В этой работе «проект ШКПИ» описывается как альтернатива гранд-теории (*grand theory*) и включает в себя: отказ от рационалистической философии; от «привилегированных» концепций; критику абстрактных конструкций как противоположных реальности; повышение ценности опыта и минимализм. Что поразительно в замечаниях Д. Кеннеди, так это предположение о том, что проблем, которые, как предполагается, преследуют «теорию» и «абстракцию», можно так

¹ См.: *Schlag P. The Problem of the Subject. Texas Law Review, 1991. Vol. 69. P. 1731.*

² *Harvard College: a Record of the Commemoration, November 5th to 8th, 1886, on the hundred and fiftieth Anniversary of the Founding. Professor Langdell's Address. Pp. 84–86.*

³ *Schlag P. The Problem of the Subject. Pp. 1741–1743.*

легко избежать, если заменить их более простыми. Например, вместо сложных абстракций, обозначающих совместное взаимодействие, говорить «заставить чайник кипеть» (“make the kettle boil”). Это часть неоспоримого предположения, что взаимодействие с опытом повседневной жизни или сопутствующим ему здравым смыслом обеспечивает прямой и непосредственный доступ к реальности¹.

Как позже писал П. Гейбл, метафора кипящего чайника не отсылала ни к реформе, ни к революции; кипящая вода означала результат движения социально отделенных друг от друга атомов к новому взаимодействию и взаимному признанию, которое позволит движущей силе системы приобрести форму и сгенерировать пар (по словам П. Гейбла, «пар, идущий от людей, любящих друг друга»²). Именно вызывание к жизни такого процесса взаимодействующих между собой атомов внутри социального организма и есть смысл и цель правовой теории и права вообще.

Будучи одним из представителей школы критических правовых исследований, профессор П. Шлаг занимается анализом правовых явлений и понятий, особенно в контексте конституционного права. В рамках постмодернистского переосмысления правовой системы П. Шлаг сместил фокус с привычного этического (характерного для классической метафизики, а также почти любой категории, которую традиционно считают философско-правовой: справедливость, равенство и др.) рассмотрения права на эстетическое³.

Одна из главных заслуг профессора Шлага — разработка постмодернистских исследований в праве, в которых привычные для мышления любого юриста правовые категории анализируются с критической точки зрения⁴. Базовыми посылками при этом является предположение о власти целого (правовой системы) над частным (локальными полями правовой системы), а также идея о недопустимости необоснованного упрощения права⁵.

Эти идеи на основании постнеклассической правовой методологии и развиваются профессором на примере дихотомии формализма и реализма — по заявлению П. Шлага, одного из самых древних споров в праве, которые произрастают из самой его природы.

При прочтении исследования, посвященного данной проблеме, можно обратить внимание на саму структуру постановки вопроса: П. Шлаг не пытается дать конечное определение ни формализму, ни реализму, но вместо этого вначале определяет их характерные черты, выстраивая привычную для правового мышления бинарную оппозицию — формализм (в качестве властвующего как номинально, так и реально) и реализм (в качестве зависимого от формализма как предшествующей архитектуры права). Можно обратить внимание на то, как П. Шлаг успешно деконструирует формализм — господствующую в американском праве концепцию правовой системы как последовательной, логичной и стойкой совокупности нормативных предписаний. Такое описание права было предложено К. К. Лэнгдэллом, и деконструкция его идей — решительный и резкий шаг для всей истории права.

Так, на примере деконструкции идей классических правоведов и, следовательно, на основании предложения о пересмотре традиционного правового нарратива П. Шлаг фактически и реализует позитивную программу постмодернизма в праве. Путем критических приемов он возвращает право в то эстетическое состояние, которое позволяет разорвать строгое этическое восприятие права. И — как бы отвечая идее М. Фуко об эстетике существования — путем реконструкции возвращает праву его нормативность.

Впоследствии в процессе работы над локализованными полями спора П. Шлаг наглядно иллюстрирует герменевтическую проблему права эпохи постмодерна: на примере реальных судебных дел, посвященных одной и той же проблеме, он доказывает, что зачастую право предопределяется языковыми

¹ См.: *Gabel P., Kennedy D. Roll Over Beethoven. Stanford Law Review, 1984. Vol. 36, No. 1. Pp. 1–55.*

² *Gabel P. The Desire for Mutual Recognition: Social Movements and the Dissolution of the False Self. Routledge, 2018. URL: https://books.google.ru/books?id=w8hHDwAAQBAJ&pg=PT10&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=1#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 07.06.2024).*

³ Мы не будем описывать данную заслугу Пьера Шлага здесь в подробностях. Для описания концепции эстетики права см.: *Шлаг П. Эстетики американского права / пер. Е. Г. Самохина. Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 112–180.* Также см.: *Douzinis K. Postmodern Jurisprudence: the Law of Text in the Texts of law. Pp. 55–74.*

⁴ *Feldman S. M. Playing with the Pieces: Postmodernism in the Lawyer's Toolbox.*

⁵ См. об этом: *Schlag P. The Problem of the Subject. Texas Law Review, 1991. No. 69; Schlag P. Normativity and the Politics of Form. University of Pennsylvania Law Review, 1991. No. 139. Pp. 804–932.*

играми — тем, какое понимание права заложено в нас изначально, а также как мы на подсознательном уровне воспринимаем роль права. Кроме того, он иллюстрирует проблему подмены предмета интерпретации — заявляя, что в праве интерпретируются не законы, а скорее факты. Данное представление можно дополнить: судья ординарного суда как субъект интерпретации толкует не законы и даже не фактические обстоятельства, а толкование фактических обстоятельств сторонами спора.

П. Шлаг предполагает: подобно мифу об Эхо и Нарциссе, властный уполномоченный на интерпретацию правовых текстов субъект в правовом тексте видит лишь то, что заранее предопределено его культурным кодом — в том числе установками о праве. Правовой текст же, выступая в качестве Нарцисса, является полностью объективированным и не может вступить в коммуникацию с интерпретатором. В другом, более радикальном смысле судье недоступна даже онтология: как было сказано, он интерпретирует не текст и не факты, а интерпретацию последних сторонами судебного разбирательства.

Пожалуй, завершить предисловие следует иронией — характерным приемом постмодернистских исследований права. Анализируя необходимость деконструкции правовых явлений, П. Шлаг заявляет: как законники, мы должны вернуть себе чуточку контроля над ситуацией. Вероятно, так в характерной для себя манере через заигрывание с языковыми структурами Шлаг саркастически высмеивает тех, кто отрицает постмодернизм в праве. Слово *agency* в английском языке означает не только «власть», но еще и «воля». В таком случае можно предположить такую трактовку выражения П. Шлага: постмодернизм и критические методы исследования в праве возвращают субъекту власть и волю — освобождают его от плена языковых игр и нарративов.

В таком случае постмодернизм, по общему мнению, не воспринятый правовой наукой, не повлиял на право в онтологическом смысле — не смог объяснить на языке своих ценностей и идей, что такое право и каким оно должно быть. Однако он предложил правовым исследованиям методологию нового времени, которая может быть полезной для правовой науки (что на примере своих исследований демонстрирует профессор П. Шлаг). Возможно, постмодернизм просто остался не понят?

Литература

1. Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 736 с.
2. Автономова Н. С. Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011. 510 с.
3. Апель К. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. 344 с.
4. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391. URL: <https://opentextnn.ru/wp-content/uploads/bart-smert-avtora.pdf?ysclid=lx4w48hr9b690427541> (дата обращения: 07.06.2024).
5. Беляев А. П. Отправляясь почтой: японское обещание Жака Деррида / А. П. Беляев, Я. Г. Янпольская // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 145–157. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-2-145-157. EDN: ZKOOOE
6. В поисках теории права / науч. ред. Е. Г. Самохина, Е. Н. Тонков. СПб.: Алетейя, 2021. 286 с. EDN: ERQULE
7. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I / Составл., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой, пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
8. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. 495 с.
9. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н. С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
10. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
11. Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы / под ред. И. И. Осветимской, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2023. 498 с.
12. Постмодернизм. Энциклопедия / Сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. 1040 с.
13. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2006. 384 с.

14. Фролова Е. А. Источники и формы права: современный взгляд на основные теоретические положения / Е. А. Фролова, Б. В. Лесив // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 1. С. 4–39. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.1.4.39. EDN: IKMSOO
15. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. 528 с.
16. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Академический проект, 2013. 288 с.
17. Хук ван М. Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб.: Издательский дом СПбГУ, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. 287 с.
18. Шлаг П. Эстетики американского права / пер. Е. Г. Самохиной. Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 112–180.
19. Эко У. Имя розы. М.: Книжная палата, 1989. 469 с.
20. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2007. 502 с.
21. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыт о переводе / пер. с итал. А. Н. Коваля. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.
22. Эпштейн М. Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 334 с.
23. Derrida J. (1967) De la Grammatologie. Paris: Les Éditions de Minuit. 360 p.
24. Derrida J. (1997) Of grammatology / trans. from fr. G. Ch. Spivak. London: The Johns Hopkins University Press. 354 p.
25. Douzinas K. (1991) Postmodern Jurisprudence: the Law of Text in the Texts of law. London, New York: Routledge. 303 p.
26. Feldman S. M. (1990) Playing with the Pieces: Postmodern in the Lawyer's Toolbox. *Virginia Law Review*. Vol. 85. Pp. 151–181.
27. Gabel P. (2018) The Desire for Mutual Recognition: Social Movements and the Dissolution of the False Self. Routledge. URL: https://books.google.ru/books?id=w8hHDwAAQBAJ&pg=PT10&hl=ru&source=gs_selected_pages&cad=1#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 07.06.2024).
28. Gabel P., Kennedy D. (1984) Roll Over Beethoven. *Stanford Law Review*. Vol. 36. No. 1. Pp. 1–55.
29. Guattari F. (1995) Chaosophy. *New York: Semiotext(e)*. 252 p.
30. Langdell K. (1887) Professor Langdell Address. In: A Record of the Commemoration, November 5th to 8th, 1886, on the two hundred and fiftieth Anniversary of the Founding of Harvard College. *Cambridge, N. E.: John Wilson and Son*. Pp. 84–86.
31. Hunt A. (1990) The Big Fear: Law Confronts Postmodernism. *McGill Law Journal*. Vol. 35. No. 3. Pp. 507–540.
32. Jackson B. S. (1987) Semiotics and legal theory. *London: Routledge & Kegan Paul*. 373 p.
33. Schlag P. (1990) Le Hors de Texte, C'est Moi: The Politics of Form and the Domestication of Deconstruction. *Cardozo Law Review*. Vol. XI. Pp. 1631–1674.
34. Schlag P. (1990) Normative and Nowhere to Go. *Stanford Law Review*. Vol. 43. Pp. 168–192.
35. Schlag P. (1991) Normativity and the Politics of Form. *University of Pennsylvania Law Review*. No. 139. Pp. 804–932.
36. Schlag P. (1991) The Problem of the Subject. *Texas Law Review*. Vol. 69. Pp. 1627–1743.
37. Silverman H. J. (1988) Philosophy and Non-philosophy Since Merleau-Ponty. *New York: Routledge*. 372 p.

Об авторах:

Самохина Екатерина Геннадьевна, доцент кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук
e-mail: esamokhina@hse.ru

Хмелевский Андрей Максимович, обучающийся Санкт-Петербургского юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация); исследователь Научно-учебной группы «Государство, церковь и право»
e-mail: amkhmelevskiy@edu.hse.ru

References

1. Avtonomova, N. S. (2017) Cognition and translation. Experiments in the philosophy of language. *Center for humanitarian initiatives*. 736 p.
2. Avtonomova, N. S. (2011) The philosophical language of Jacques Derrida. *ROSSPEN*. 510 p.
3. Apel, K.-O. (2001) Towards the Transformation of Philosophy. *Logos*. 344 p.
4. Bart, R. (1994) Selected works: Semiotics. Poetics. Pp. 384–391. URL: <https://opentextnn.ru/wp-content/uploads/bart-smert-avtora.pdf?ysclid=lx4w48hr9b690427541> (data of access: 07.06.2024).
5. Belyaev, A. P., Ianpolskaia, Ia. G. (2020) Setting off by mail: japanese promise of Jacques Derrida. *Voprosy Filosofii*. No. 2. Pp. 145–157. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-2-145-157
6. Samokhina, E. G., Tonkov, E. N. (eds.) (2021) In Search of a Theory of Law. *Aletheia*. 286 p.
7. Wittgenstein, L. (1994) Philosophical Investigations. Part I. 612 p.
8. Gajdenko, P. P. (1997) Breakthrough to the transcendental: a new ontology XX century. *Respublika*. 495 p.
9. Derrida, J. (2000) Of Grammatology. *Ad Marginem*. 511 p. (In Russ.)
10. Lyotard, J.-F. (1998) The Postmodern Condition. *Institute of Experimental Sociology; Aletheia*. 160 p.
11. Osvetimskaya, I. I., Tonkov, E. N. (eds.) (2023) Postclassical studies of law: prospects for a scientific and practical program. *Aletheia*. 498 p.
12. Gritsanov, A. A., Mozheiko, M. A. (2001) Postmodernism. Encyclopedia. *Interpressservice; Knizhny`j dom*. 1040 p.
13. Stepin, V. S. (2006) Philosophy of Science. General problems: a textbook for graduate students and candidates for the degree of candidate of sciences. *Gardariki*. 384 p.
14. Frolova, E. A., Lesiv, B. V. (2024) Sources and Forms of Law: A Modern View on Basic Theoretical Provisions. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. Vol 17. No. 1. Pp. 4–39. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.1.4.39
15. Heidegger, M. (2008) The origin of artistic creation. *Academic project*. 528 p.
16. Heidegger, M. (2013) What is metaphysics? *Academic project*, 2013. 288 p.
17. Hoecke, Mark van. (2012) Law as communication. *Publishing house of St. Petersburg State University, University Publishing Consortium*. 287 p.
18. Schlag, P. (2010) The Aesthetics of American Law. No. 3. Pp. 112–180.
19. Eko, U. (1989) The Name of the Rose. *Book Chamber*. 469 p.
20. Eko, U. (2007) The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts. *Simposium*. 502 p.
21. Eko, U. (2006) Say almost the same thing. Experiments on translation. *Simposium*. 574 p.
22. Epstein, M. A (2001) Philosophy of the Possible: Modalities in Thought and Culture Mikhail. *Aletheia*. 334 p.
23. Derrida, J. (1967) De la Grammatologie. *Paris: Les Éditions de Minuit*. 360 p.
24. Derrida, J. (1997) Of grammatology / trans. from fr. G. Ch. Spivak. *London: The Johns Hopkins University Press*. 354 p.
25. Douzinas, K. (1991) Postmodern Jurisprudence: the Law of Text in the Texts of law. *London, New York: Routledge*. 303 p.
26. Feldman, S. M. (1990) Playing with the Pieces: Postmodern in the Lawyer's Toolbox. *Virginia Law Review*. Vol. 85. Pp. 151–181.
27. Gabel, P. (2018) The Desire for Mutual Recognition: Social Movements and the Dissolution of the False Self. *Routledge*. URL: https://books.google.ru/books?id=w8hHDwAAQBAJ&pg=PT10&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=1#v=onepage&q&f=false (data of access: 07.06.2024).
28. Gabel, P., Kennedy, D. (1984) Roll Over Beethoven. *Stanford Law Review*. Vol. 36. No. 1. Pp. 1–55.
29. Guattari, F. (1995) Chaosophy. *New York: Semiotext(e)*. 252 p.

30. Langdell, K. (1887) Professor Langdell Address. In: A Record of the Commemoration, November 5th to 8th, 1886, on the two hundred and fiftieth Anniversary of the Founding of Harvard College. *Cambridge, N. E.: John Wilson and Son*. Pp. 84–86.
31. Hunt, A. (1990) The Big Fear: Law Confronts Postmodernism. *McGill Law Journal*. Vol. 35. No. 3. Pp. 507–540.
32. Jackson, B. S. (1987) Semiotics and legal theory. *London: Routledge & Kegan Paul*. 373 p.
33. Schlag, P. (1990) Le Hors de Texte, C'est Moi: The Politics of Form and the Domestication of Deconstruction. *Cardozo Law Review*. Vol. XI. Pp. 1631–1674.
34. Schlag, P. (1990) Normative and Nowhere to Go. *Stanford Law Review*. Vol. 43. Pp. 168–192.
35. Schlag, P. (1991) Normativity and the Politics of Form. *University of Pennsylvania Law Review*. No. 139. Pp. 804–932.
36. Schlag, P. (1991) The Problem of the Subject. *Texas Law Review*. Vol. 69. Pp. 1627–1743.
37. Silverman, H. J. (1988) Philosophy and Non-philosophy Since Merleau-Ponty. New York: Routledge. 372 p.

About the authors:

Ekaterina G. Samokhina, associate professor of the Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Law
e-mail: esamokhina@hse.ru

Andrey M. Khmelevsky, student of the St. Petersburg School of Law, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation); research worker of the Scientific and Educational Group State, Church and Law
e-mail: amkhmelevskiy@edu.hse.ru